

УДК 821.161.1.09-14+398.8(470)+929Козлов

ОБРАЗ ВОИНА В ЛИРИКЕ И. И. КОЗЛОВА И ЕЕ НАРОДНО-ПЕСЕННЫХ ВАРИАНТАХ В КОНТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЙ О НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ

А. П. Бышкина

Саратовский государственный университет
E-mail: ann-byshkina@yandex.ru

Статья посвящена выявлению своеобразия батальной лирики И. И. Козлова в контексте стихотворений о Наполеоновских войнах. В частности, внимание сосредоточено на образе воина.

Ключевые слова: Козлов, образ, воин, контекст, фольклор.

The Image of Warrior in I. I. Kozlov's Lyrics and Its Folklore Variants in the Context of Poems about Napoleonic Wars

A. P. Byshkina

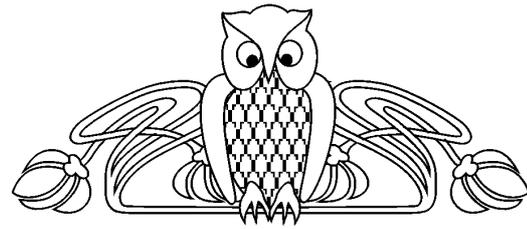
The article is devoted to the identification of originality of I. I. Kozlov's battle lyrics in the context of poems on Napoleonic wars. Particular attention is paid to the image of warrior.

Key words: Kozlov, image, warrior, context, folklore.

Период Наполеоновских войн (1800–1814 гг.) оставил в истории Европы неистлевающие страницы. Для русской истории и культуры решающим оказался 1812 г., когда после завоевания практически всего Запада Наполеон двинулся на Москву. Помимо ужасающего разорения, война вызвала сильнейший духовный подъем русского общества. «Тогда слово ОТЕЧЕСТВО и СЛАВА электризовали каждого»¹, – писал А. Бестужев-Марлинский. Кажется, не было ни одного поэта, который бы не откликнулся на эти события своими произведениями в тот год. «В продолжение второй половины 1812 и первой 1813 не только не вышло в свет, но и не написано ни одной страницы, которая не имела бы предметом тогдашних происшествий»². Однако и после войны авторы не остаются безучастными к прошедшим событиям: «...в первые десятилетия после окончания Отечественной войны о ней было написано немало поэтических и прозаических произведений, нередко по своим художественным достоинствам превосходивших созданное непосредственно в годы войны»³.

Несмотря на временную отдаленность событий, на протяжении всех 1820-ых гг. к теме войны вновь и вновь обращаются Ф. Н. Глинка («Судьба Наполеона», 1821), А. А. Дельвиг («Отставной солдат», 1829), Д. В. Давыдов («Партизан», 1826) и другие поэты. В 1830-е гг. к этой теме примкнули и прозаики.

Безусловно, война оставила неизгладимый след в памяти каждого, кто был ее свидетелем и участником. Страшный 1812 г. предопределил

мировоззрение, мироощущение всего поколения, являющегося его свидетелем. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов и многие другие поэты на протяжении всей своей творческой жизни возвращались к теме войны.

И. И. Козлов в годы Отечественной войны еще не писал стихов, еще не грянула его личная трагедия, когда он потерял зрение. Поэтому будущий поэт-слепец в то время поэтически никак не реагировал на события. В 1812 г. он деятельно участвовал в подготовке московского ополчения, состоял в Комитете для образования московской военной силы⁴. Собираясь защищать Москву, Козлов покинул столицу за три дня до ее взятия. Он «напряженно следил за титанической битвой на Бородинском поле»⁵. Козлов, конечно, видел военную жизнь, тяготы войны, солдат-защитников, воинов... И уже через несколько лет блестящий кавалер ослеп.

Несмотря на то, что у Козлова нет стихотворений, посвященных непосредственно Отечественной войне, им виденной, в его лирике мы не раз встречаемся с образом воина, который, конечно, является отражением тех событий, которым поэт был свидетель.

Это прежде всего стихотворения «Пленный грек в темнице» (1822), «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (1825), «Сон ратника» (1828). В них мы находим изображение русского воина, ратника, являющегося частью не конкретных исторических событий, а всей военной истории страны. Кроме того, два из трех этих произведений, восходя к ирландскому и шотландскому оригиналам, связаны с баталиями Наполеоновских войн.

Отечественная война 1812 г. стала поистине переворотом русского общественного и художественного сознания. «Лучшие умы обратились к внутренним основам и потребностям русской жизни, – пишет В. И. Сахаров. – Тогда и оформился окончательно русский романтизм... Иван Козлов благодаря своей дружбе с Жуковским и братьями Тургеневыми оказался в самом центре нарождающегося литературного движения»⁶.

Как отмечают исследователи (например, М. П. Залесский), в литературе того периода продолжает свое существование ода, которая, однако, была ограничена в интерпретации патриотизма, основываясь преимущественно на гражданственном его аспекте. Несмотря на то, что прогрессив-

ные одописцы и старались воспеть патриотизм в широком смысле этого слова, того эмоционального напряжения, которое, к примеру, может дать элегия, с помощью оды создать не получалось.

Из-под пера И. А. Крылова появляются патриотические басни («Обоз», «Ворона и курица»).

Однако на передний план среди многообразия жанров выходит элегия. Причем именно в эпоху 1812–1814 гг. элегия, «занятая до того только любовной тематикой и грустными размышлениями о бренности человеческой жизни, наполняется общественной, патриотической, гражданственной тематикой»⁷. Элегия становится высоким жанром, насыщается историческим и философским пафосом. Появляется так называемая историческая элегия. В то же время происходит еще один процесс: слияние элегий и посланий.

В 1812 и последующих годах можно выделить несколько самых крупных историко-элегических мотивов: 1) переживания автора в связи с конкретными военными событиями (пожар Москвы, Бородинская битва); 2) мотив тоски по родине; 3) мотив смерти героев и просто друзей.

Ярким примером первого мотива может служить элегия-послание К. Н. Батюшкова «К Дашкову» (1813), в которой поэт с глубокой скорбью рисует разрушенную пожаром Москву, ту Москву, которую со слезами на глазах покидал и И. И. Козлов:

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары...
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!⁸

Напомним, что К. Н. Батюшков был храбрым офицером, начавшим свой боевой путь еще в 1807 г. Тогда он совершил поход в Пруссию, захваченную Наполеоном.

«Одной из самых искренних по содержанию и совершенной по форме была историческая элегия “Тень друга”, как известно, посвященная памяти И. Петина, ближайшего друга К. Н. Батюшкова, убитого на 26-м году жизни в сражении при Лейпциге в 1813 г.»⁹ Эта, наполненная мистическим колоритом, элегия (тень убитого друга является лирическому герою на корабле) передает теплые, искренние, горестные чувства и своей тональностью выбивается из общего ряда произведений той же тематики.

Конечно, большинство элегий писалось на смерть великих русских полководцев. Этот тип исторических элегий, по словам М. П. Залесского, «заполненных, в основном, воспеванием доблестей умершего героя в абстрактной и возвышенной форме, были по характеру своему ближе к хвалебной оде классицизма, нежели к элегической лирике первой Отечественной войны»¹⁰.

Примером могут служить произведения А. П. Буниной, М. В. Милонова, Н. Ф. Грамматина.

Анна Петровна Бунина (1774–1829) занимала, по мнению Н. И. Греча, «первое место между писательницами России»¹¹. Ее стихотворение «На кончину графа Александра Кутайсова» (1813) приближено к одическому стихосложению. Писанное высоким штилем («Ужель и на твою могилу свежу // Печальны допустил мне рок бросать цветы, // Поток слезным орошенным»), оно гиперболизирует печаль и страдания окружающих в связи со смертью генерал-майора, погибшего под Бородином: «На гробе у него с бессмертным лавром шлем, // И вопли слышны Муз на нем!»¹². При таком обилии гипербол, патетических восклицаний, старославянизмов душевная печаль читателя притупляется.

Интересно, что о гибели Александра Кутайсова пишет и В. А. Жуковский в самом значительном стихотворении 1812 г., отмеченном и высоко оцененном самим М. И. Кутузовым, «Певец во стане русских воинов». Жуковский не изображает сонмов горюющих людей, не обременяет свое стихотворение стенаниями. О молодом бойце, погибшем во цвете лет, Жуковский говорит просто и свежо, хотя и называет его героем. Кутайсов, «вождь младой...», «душой прекрасен был, как радость»¹³. Чувствуется искренняя скорбь по этому мальчику, который самоотверженно сражался за Родину и воодушевлял своим примером соотечественников:

В броне ли, грозный, выступал –
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял –
Одушевлялись струны...¹⁴

Противоположной по своему эмоциональному воздействию является ода поэта-«гражданина» М. В. Милонова «Мысли при гробе князя Кутузова-Смоленского». Здесь мы находим уже шаблонное обращение к року: «Пусть рок ожесточенный, в отраду нам, тебя бессмертием дарит...»¹⁵. Но автор и не стремится будить личные чувства читателя, его ода – это гражданский призыв: «Здесь пишет не поэт – здесь плачет гражданин...»¹⁶. Именно эта строка Милонова станет в дальнейшем основой для кредо К. Ф. Рылеева и Н. А. Некрасова.

На смерть великого полководца, безусловно, откликнулся целый ряд поэтов. М. П. Залесский отмечает: «Тема смерти вдали от Родины, как наиболее трагическая, входит в целый ряд элегий русских поэтов того времени»¹⁷. Но большинство из них отличается той же шаблонной патетикой, притупляющей настоящее чувство. Козлов тематически (стихотворением «На погребение английского генерала сира Джона Мура», 1825) продолжит традицию своего времени, но раскроет эту тему совсем иначе.

Одним из первых стихотворений Козлова, где встречается образ война, является «Пленный грек в темнице» (1822). Несмотря на то, что в названии указывается национальная принадлежность война – это грек, оказавшийся в плену, в самом

тексте отсутствует национальный колорит. Да и в первоначальном варианте заглавие звучало так: «Пленный воин в темнице»¹⁸, что говорит о стремлении поэта написать обобщенный образ, характерный не только для конкретной национальности и временного отрезка, а распространяющийся на «всех» и «всегда». К тому же пленник – неизвестный воин («кузник неизвестный»), без имени, это – каждый боец.

Тем не менее произведение «посвящено вождю восставших греков-этеристов Александру Константиновичу Ипсиланти»¹⁹. Свободный душой поэт-слепец симпатизировал греческим революционерам, поднявшим восстание против турецкого ига. Он настолько глубоко проникся сочувствием к этим воинам за справедливость, что Ипсиланти вышел у Козлова совсем русским душой:

Родина святая,
Край прелестный мой!
Все тобой мечтаю,
Рвусь к тебе душой²⁰.

Произведение проникнуто патриотизмом, страстной любовью к родине. Лирического героя глубоко печалит несвобода его страны: «В сердце отдавался звук твоих цепей» (88). Воин «смело» борется за «святое дело» и очень страдает оттого, что «в плену» не знает, «как война горит» (88). Непримиримый, бескомпромиссный, он решительно восклицает: «Ах, иль быть свободным, // Иль совсем не быть» (88).

Как отмечают исследователи, «по своему идейному звучанию» с «Пленным греком» переключается стихотворение «Молодой певец» (1823), заимствованное из «Ирландских мелодий» Томаса Мура. В нем «прославляется поэт-воин, павший “жертвой грубых сеч” во имя свободы родного края»²¹. Это означает, что образ воина в лирике Козлова раскрывается еще в одной ипостаси. Воин-поэт сражается оружием своего творчества на поле битвы души. Его спутники – «меч отцовский – кладенец» и «арфа – жизни радость» (90). Стихотворение трагично – этот воин погибает. Он умирает с горькой мыслью о том, что не смог бы жить и творить в стране, «где раб звучит цепями» (90). По сути, он повторяет слова пленного грека о свободе.

Как уже было сказано, Козлов стихотворением «На погребение английского генерала сира Джона Мура» продолжает историко-элегическую традицию «наполеоновского» периода. При этом оно является «вольным подражанием» широко известному для англоязычных стран стихотворению ирландского поэта Чарльза Вольфа, написанному в 1816 г. Вольф, в будущем монах, был хорошо образованным человеком. Естественно, он знал историю своей страны, поэтому события восьмилетней давности – война с Наполеоном – волновали его. В центре внимания стихотворца – историческая личность, более того – национальный герой Джон Мур (1761–1809)²².

Удивительно просто, без украшательства Вольф рисует реалистичную, даже прозаическую картину погребения национального героя²³.

Козлов, конечно, был заинтересован личностью Джона Мура и правдивой атмосферой стихотворения. Однако, используя чужой текст, он создает новое по сути произведение: романтическая стилистика предполагала увеличение абстрактно-эмоциональной составляющей стихотворения. Тем не менее сходство между оригиналом и переводом велико: количество строк осталось прежним, а изменение анапеста на амфибрахий, замена тонического стиха на силлабо-тонический, по словам Ю. Д. Левина, «не воспринималась отступлением от оригинала», так как «во времена Козлова была обычной»²⁴.

Ю. В. Лебедев справедливо отмечает: «Грому побед Козлов противопоставляет скорбь поражения. И война предстает в его описании не с парадно-декоративной, а с человеческой стороны... Сам образ родины у Козлова лишается официальной атрибутики и начинает наполняться многозвучным человеческим содержанием»²⁵. Если соотнести название стихотворения и текст «вольного подражания», то возникает ощущение разрозненности, так как в заголовке указывается, что оно на «погребение английского генерала», в то время как английского духа там нет совсем. Стихотворение русифицировано. Достигает это поэт особым подбором лексики: «ратники в поле», «дружина», «Перун вестовой» (128). Этот осознанный выбор старорусских слов рождает необходимый автору дух Руси. И уже к третьему катрену мы забываем, что говорится нам об английском генерале. С этой же целью Козлов не использует упоминания о «британце», а выбирает «родимые руки постлали» (129). Мы полностью согласны с мнением И. Д. Гликмана: «Козлов воспекает... непреклонное мужество верных своему долгу отцов, над могилой которых сияет “бессмертная слава”. Причем реальная биография генерала Джона Мура уступает здесь место поэтически обобщенному образу героя, с честью павшего на поле брани»²⁶. Демократичное и дружеское обращение «товарищ» к погибшему генералу, а также использование местоимения «мы» подчеркивают общность, единение всей армии, всей России. И это очень сильно отделяет данное стихотворение от других произведений о Наполеоновских войнах. Там – восторженное, испущенное отношение к недостижимым «полубогам», а здесь – единение всех чинов под страшным бременем войны, которая становится еще страшнее, так как лишена возвышенности, прозаична и грозит всем без исключения. По мысли Козлова, на поле битвы, перед лицом смерти нет ни чинов, ни званий. Кроме того, использование старославянизмов проводит параллель со всей бранной историей Руси, что встречалось, к примеру, в «Певце во стане русских воинов» В. А. Жуковского. В «Певце...» находим:

Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...²⁷

Козлов опускает реалии действительности и сосредоточивается на более полном раскрытии эмоционального состояния. Словосочетание «смутный полк» (128) передает растерянность, печаль, беспокойство солдат: погиб командир, мудрый товарищ, ведущий в бой. Фраза «штыками могилу копали» (128) создает ощущение физического напряжения. Для той же цели Козлов включает в свой текст «дымно сверкающие факелы», а не «фонарь», как в оригинале. Ю. Д. Левин объясняет это тем, что «по-видимому, факелы появились вместе с наречием “дымно” (фонарь обычно не дымит). Козлов, конечно, понимал, что “дымно” не соответствует английскому “dimly”, но его привлекала возможность передать создаваемый словом звуковой образ»²⁸. Будучи религиозным, Козлов также подчеркивает то, что «дружина... жарко молилась творцу» (128).

«Козлов решительно “очеловечивает” гражданскую лирику, освобождая ее от парадной и отяжеленной одической лексики, от которой в стихах не смог освободиться даже Жуковский (“Певец...”)). Козлов включает в гражданскую лирику богатое психологическое содержание...», — очень верно отмечает Лебедев²⁹. Поэт и следует традиции — тематически, а также в мысли о единстве истории, но в то же время выбирает необычное воплощение распространенного мотива. Гибель героя он показывает совсем в другом свете — без пышных обрядов, на поле боя. Реалистичная картина дается с проникновенным эмоциональным напряжением, которое мог передать только человек, сам переживший трагедию.

Искренность, эмоциональность стихотворения Козлова, а также изначальная песенность (отрицательный синтаксический параллелизм «Не бил барабан...») способствовали тому, что оно стало популярной военной песней.

В. Е. Гусев отмечает, что «Не бил барабан...» появился в песенниках в 1870 г.³⁰ Есть версии, что в связи с похоронами генерала Бистрома стихотворение Козлова было переделано под реалии Кавказской войны. В переделанном виде ее до сих пор поют казаки. Народные варианты, собранные нами, сильно сокращены, опускаются целые строфы (о молитве, о будущем). В песню вошло только то, что связано с действиями: «вождя хоронили», «в недра земли опустили», «почесть отдана», «могилу копали», «лежит он», «уснул он», «не свершен обряд», «ударил казак». Философские размышления автора не отражены в фольклорных текстах. Еще одной фольклорной тенденцией является замена высокой, поэтической лексики на фольклорную, а иногда на просторечия: «недра земли» — «землю сырую», «опустили» — «опушали». По этой же причине изменилась и концовка — место метафорического перуна занял «казак вестовой»: «И славу ударил казак вестовой...». Образ война в народно-по-

этических вариантах сузился, была потеряна его оригинальная обобщенность.

Стихотворение Козлова «Сон ратника» (1828) — отклик на события русско-турецкой войны. Но какие картины вставали в сознании слепого поэта? Вероятно, пережитая им война. Данное произведение является переложением стихотворения английского поэта Томаса Кэмпбелла (1777–1844) «The soldier's dream». Стихотворение Козлова настолько отличается от оригинала, что установить и научно доказать преемственность двух произведений удалось лишь в середине XX столетия Ю. Д. Левину.

Как отмечает исследовательница С. В. Бобылева, различны и размеры, и объем стихотворений: «Ставшее первоосновой для Козлова стихотворение Т. Кэмпбелла “The Soldier's dream” — одно из... наиболее известных лирических произведений шотландского поэта, написанных во время путешествия по Германии в 1800 году»³¹. Тогда поэт стал невольным свидетелем сражения защитников монастыря в Регенсбурге против французских, наполеоновских захватчиков.

По структуре стихотворения схожи: сначала описывается ночное время, перерыв между баталиями, а потом — сон бойца. У Кэмпбелла находим страшное описание этой «передышки» между боями: «Наши горны пропели отбой, поскольку ночь опустилась как туча. И сторожевые звезды установили дозор на небе. И тысячи упали на землю потрясенную, утомленные — спать, а раненые — умирать. Отдыхая той ночью на соломенном тюфяке, у отпугивающего волков костра, охраняющего тела убитых»³². Козлов для передачи эмоционального напряжения, создания фона использует иные средства. Слепой поэт тонко обращается с «красками»: черный («мгла», «ружья»), белый («белые шатры», «луна») и много красного («блеск багровых струй» от костра, «пламень красноватый», «кровавые места») (139). Козлову важно создать атмосферу трагичности, передать весь ужас происходящего.

Стихотворение «насыщено конкретными реалиями российской истории», которые «к Англии не имеют никакого отношения»³³, — верно замечает Лебедев. В нем отображены события первого периода русско-турецкой войны 1828–1829 гг., а именно осада турецкой крепости Варна русскими войсками с июля по сентябрь 1828 г., результатом которой стало взятие крепости. Подтверждение этому можно найти в начале стихотворения, где Козловым упомянут характерный символ ислама — луна (полумесяц).

Уже в названии стихотворения чувствуется отмежевание от английского оригинала, ведь «ратник» — не солдат, заявленный в английском тексте, это слово — старославянизм, отсылающий к истории Древней Руси, связующее все веки российской истории. Однако Козлов обращает внимание на личную трагедию, тяжесть положения каждого солдата, рядового ратника. Повествова-

ние в стихотворении ведется от лица лирического героя, автор перевоплощается в русского воина, который находится на отдыхе во время войны. Бой завершен, только что «подкопы взорваны». Рисуется картина военного лагеря после боя: «И в поле тишина меж русскими полками; // У ружей сомкнутых дымилась костры» (139). Все настолько утомлены физически и морально, что никто не разговаривает друг с другом, никто не поет песен, слышен только «раненых... тяжкий стон» (139). Лирический герой «в раздумье», но, утомленный битвой, он засыпает.

Оставшиеся шесть катренов – это описание сна. Во сне лирический герой (ратник) старается оторваться от реальности и переносится в «родимое село»:

Мне снилось, что, простясь
с военною тревогой,
От тех кровавых мест,
где буйство протекло,
Поспешно я иду знакомую дорогой
В родимое село (139).

Казалось бы странным, что ратник, воин изображен не во время битвы. По сути, в стихотворении практически не говорится о бое, для автора это второстепенно. Поэт тонко передает психологию человека, который и на войне остается просто человеком. Это не бой, где необходимо героичество. Во время отдыха ратник остается наедине с самим собой. Возвращается к себе настоящему. Во сне он грезит о самом главном, самом сокровенном – о семье, о мирной жизни, и его дух укрепляет «спасительная сила воспоминаний»³⁴.

Утомленное сознание бойца ищет отдушину, и в мечтах он отправляется по дороге к своему дому. В стихотворении дается много реалий: «сельская церковь», «Клязьма», «густые ракиты»... (139). Все это, несомненно, узнаваемо, близко каждой истосковавшейся душе солдата. Мирная жизнь для уснувшего ратника заключена не в развлеченных, пирушках, не этого жаждет он. Воин слышит «песнь жнецов, и в стаде лай далекий собак сторожевых» (139). Козлов без прикрас показывает чувство солдата, отмечая самые тонкие оттенки – тот с замиранием сердца подходит к родному дому: «...разлуки тайный страх надеждой веселя» (140).

Далее рисует встречу родных. «Дряхлый отец» «вскочил без костыля», «жена мне кинулась на шею» (140). Козлов отмечает детали, показывающие степень взволнованности героев. Встреча у русского поэта описывается подробно, а шотландец ограничивается словами: «...увидел дом предков, которые приветствовали мое возвращение»³⁵.

Во сне русский ратник, «склонен родными» (140), прощается с битвами. И тут он вынужден проснуться, вернуться к реальности: «пушка вестовая сон тихий прервала» (140). Концовка стихотворения Козлова трагичнее оригинальной. В шотландском варианте солдат пробуждается

на заре – этим и заканчивается стихотворение. Русский ратник, разбуженный боевым выстрелом, задается вопросом: «Иль там мне умереть?» (140).

Простота, незатейливость сюжета, отсутствие ярко выраженного героичества, тем не менее, не снижают выразительности стихотворения. Здесь чувствуется и патриотизм – «мирный» патриотизм: ведь именно за своих близких ратник сражается, и сила его духа.

Центральный образ ратника, без сомнения, вызывает у нас симпатию. Рассудительный боец, морально закаленный, сдержанный, уставший после боя, на глазах которого только что погибли десятки людей, под звуки стонов переносится в мыслях к мирной жизни. Он не озлобился, не очерствел душой, ему свойственны даже поэтическое восприятие мира, поэзия души: «И дети обвили цветками полевыми и штык мой, и ружье» (140). Солдат, закаленный ужасами войны, ее «буйством», с необыкновенной нежностью говорит о своих близких.

Мы не знаем звания ратника, его ранга в войске, ведь в бою перед лицом смерти все равны, одинаково несут тяготы службы, спят в поле под бурками. Несмотря на исторические и географические реалии, перед нами условный образ ратника, защитника своей земли и, прежде всего, своих близких. Это психологический портрет любого бойца – начиная с ратников Древней Руси, заканчивая солдатами кутузовской армии, которых видел Козлов, и бойцами полков, бьющихся против турецкого войска.

Воин в стихотворениях Козлова – это обобщенный образ ратника, защитника родной земли. Для Козлова важно наполнить свое произведение богатым психологическим содержанием, а не указать, к примеру, место сражения. Поэтому этот воин так узнаваем. «Обращаясь к событиям исторического масштаба, поэт разрушает привычное деление жизни – на историческую и частную, на героическую и обыкновенную. Он не желает видеть в историко-героическом “высокий”, а в интимно-бытовом “низкий” уровень бытия», – справедливо указывает Ю. В. Лебедев³⁶.

Воин в стихотворениях Козлова предстает перед нами в нескольких ипостасях: 1) погребенный герой, 2) воин после боя, 3) пленник, 4) воин-поэт.

Поэт старается передать психологическую правду, поэтому нигде не изображает воина во время ратного дела, так как сам не принимал участия в сражениях. Простотой и искренностью отличаются его стихотворения от пышных од, конкретностью реалий от эмоциональных элегий Батюшкова, глубоким психологическим содержанием от иностранных оригиналов. От стихотворений Д. В. Давыдова, воспевающих бой, произведения Козлова отличаются отсутствием поэтизации военной жизни. Наиболее близки они к «Певцу во стане русских воинов» Жуковского.

Однако Козлов сосредоточивается на внутреннем мире своего героя, а не зовет, как Жуковский или ранее Г. Р. Державин, к разгрому врага и к справедливой мести иноземным захватчикам. Таким образом, тексты Козлова – оригинальный вклад в поэтическую летопись о событиях периода Наполеоновских войн.

Примечания

- 1 Цит. по: «И славили Отчизну, меч и слово»: 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза / сост., автор вступ. ст. и примеч. Ю. А. Беляев. М., 1987. С. 5.
- 2 Там же. С. 16.
- 3 Там же.
- 4 См.: Лебедев Ю. «Небесным пением своим он усыпил земные муки». О творчестве Ивана Козлова // Литература в школе. 1998. № 1. С. 8.
- 5 Сахаров В. О жизни и творениях Ивана Козлова // Козлов И. Стихотворения. М., 1979. С. 9.
- 6 Там же.
- 7 Залесский М. К вопросу о влиянии событий Отечественной войны 1812 г. на развитие русской литературы // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1949. Т. 13, вып. 1. С. 160.
- 8 «И славили Отчизну, меч и слово»... С. 108.
- 9 Залесский М. Указ. соч. С. 146.
- 10 Там же.
- 11 Цит. по: «И славили Отчизну, меч и слово...» С. 655.
- 12 Там же. С. 43.
- 13 Там же. С. 54.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 90.
- 16 Там же.

- 17 Залесский М. Указ. соч. С. 148.
- 18 Гликман И. И. И. Козлов // Козлов И. Полное собрание стихотворений. Л., 1960. С. 447.
- 19 Сахаров В. Указ. соч. С. 163.
- 20 Козлов И. Стихотворения. Л., 1956. С. 88. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте
- 21 Гликман И. Указ. соч. С. 22.
- 22 Генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном.
- 23 См.: *Charles Wolfe. 43w1q The Burial of Sir John Moore at Corunna*. URL: http://en.wikisource.org/wiki/The_Burial_of_Sir_John_Moore_after_Corunna (дата обращения: 20.08.2012).
- 24 Левин Ю. О русском романтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния (Из истории международных связей русской литературы). Л., 1972. С. 248.
- 25 Лебедев Ю. Указ. соч. С. 14–15.
- 26 Гликман И. Указ. соч. С. 28.
- 27 «И славили Отчизну, меч и слово»... С. 52.
- 28 Левин Ю. Указ. соч. С. 249.
- 29 Лебедев Ю. Указ. соч. С. 14.
- 30 См.: Песни русских поэтов: в 2 т. Т. 2. Середина XIX – начало XX вв. / вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л. 1988. С. 612.
- 31 Бобылева С. Творчество И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 166.
- 32 Там же. С. 167.
- 33 Лебедев Ю. В. Указ. соч. С. 15.
- 34 Там же.
- 35 Бобылева С. В. Указ. соч. С. 168.
- 36 Лебедев Ю. В. Указ. соч. С. 15.

УДК 821.11.09-313.1+929Коу

ЭЛЕМЕНТЫ ГОТИКИ В РОМАНЕ Д. КОУ «КАКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО!»

Ю. А. Храмова

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского
E-mail: khramovaya@mail.ru

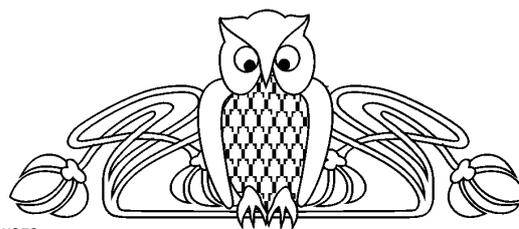
Сатирический роман Д. Коу «Какое надувательство!» анализируется с точки зрения функционирования в нем элементов готической традиции; выявляется их роль в идейно-философской и композиционной структуре романа.

Ключевые слова: Джонатан Коу, готическая традиция в литературе, готика и ужасное, постмодернизм, сюжет, композиция и система образов.

Gothic Elements in Jonathan Coe's «What a Carve-Up!»

Yu. A. Khramova

Jonathan Coe's satirical novel «What a Carve-Up!» is analyzed through the prism of traditional Gothic elements; their contribution to the

ideological, philosophical and compositional structure of the novel is revealed.

Key words: Jonathan Coe, Gothic literary tradition, Gothic and the Horror, postmodernism, plot, composition and system of characters.

Термин «готический», широко используемый в литературе и литературной критике, неоднозначен. Для одних «готика» – литературное течение, открытое «Замком Отранто» (1764) Г. Уолпола, оказавшее значительное влияние на развитие романтизма, пережившее пик расцвета в 1800-х гг. и исчерпавшее себя к середине 1820-х гг.¹ Другие исследователи (М. Саммерс, Роберт Д. Хьюм, Д. Варма, Д. Пантер, Э. Макэндру, Л. Байер-